
ДЕВЯТЬ
ОСКОЛКОВ
ТИШИНЫ
ИУЛИЯ АБШИЛАВА

Иулия Абшилава

Девять осколков тишины

https://litres.ru/74817188
SelfPub; 2026

Аннотация

Первый опыт автора - сборник из трех повестей для тех, кому 14+. Три истории любви, множество миров, время действия - вечность. Читателя ждут незабываемые приключения, неожиданные повороты и встречи, которые меняют все. Фантастика, которая увлекает с первой страницы и не отпускает до последней.

Иулия Абшилава

Девять осколков тишины

ЦВЕТ ТВОЕЙ ТИШИНЫ

Пролог. Та, что видит слишком много

Она не помнила момента, когда мир впервые раскололся на цвета.

Мама рассказывала, что в три года Лина вдруг перестала есть зеленое пюре. Сидела на высоком стульчике, сжимала ложку и твердила: «Оно злое, мама, оно кричит». Врачи пожимали плечами. Пюре было обычным, без консервантов, из детского питания. Но Лина

видела над банкой тускло-зеленый туман — раздражение повара, который варил его с плохим настроением.

В пять лет она отказалась сидеть на коленях у дяди Коли, маминого брата. Плакала, вырывалась, царапалась. А потом прошептала маме в ухо: «Он красный, мама, он больно колется, он хочет что-то плохое с нами сделать». Через год дядя Коля сел за мошенничество.

Мама тогда побледнела и долго смотрела на дочь, а потом сказала: «Больше никому не говори о том, что видишь. Слышишь? Никому».

В семь лет Лина плакала в школьном коридоре, когда мимо проходила учительница русского языка, Марья Сергеев-

на. Она не выдержала и закричала: «У нее внутри черная дыра! Она всех проглотит! Вы только посмотрите на нее!» Марья Сергеевна отправила Лину к

директору, а потом к психологу. Психолог сказал: «У ребенка богатое воображение. Пройдет».

Не прошло. Через три года Марья Сергеевна попала в психиатрическую лечебницу с тяжелой депрессией и попыткой суицида. Лина тогда не могла спать неделю — она знала. Она знала,

что все это время учительница кричала внутри, что она пустая, никчемная, что жизнь не имеет смысла. И Лина видела эту черноту с первого дня.

Мама водила ее по неврологам, психиатрам, экстрасенсам, церковным бабкам. Все говорили одно: «Гиперактивность, синдром дефицита внимания, диссоциативное расстройство». Таблетки не помогали. Сеансы гипноза превращали ее в маленькую девочку, которая плакала во сне и просыпалась с криком: «Мама, я снова вижу!»

Только бабушка Варвара, приехавшая из деревни, когда Лине было десять, взяла внучку за руки, посмотрела ей в глаза и сказала:

— Не трогайте ребенка, — голос ее был сухим и жестким, как хлебная корка. — Она не больна. Она видит мир как есть. Это дар. Или проклятие — с какой стороны посмотреть.

— Мама, это же бред! — заплакала тогда мама Лины. —

Она не может видеть цвета людей!

— Может, — отрезала бабушка. — Я тоже могла. Пока не ослепла. В пятьдесят лет у меня это прошло. Но я помню, как это было. Каждый день — как смотреть в калейдоскоп, где вместо стекляшек — чужие души.

Лина тогда не поняла, что значит «ослепла». Она думала, бабушка перестала видеть буквы или лица. Но бабушка объяснила позже, когда они остались вдвоем на кухне:

— Я не ослепла на обычные глаза, внучка. Я ослепла на «вторые». В один день перестала видеть цвета. Просто шла по рынку, и вдруг — все стало серым. Я испугалась, думала, это конец. А нет. Оказалось, это освобождение. Теперь я вижу только то, что есть на самом деле.

— А я? — спросила Лина. — Я тоже ослепну?

Бабушка долго молчала. Потом погладила ее по голове своей натруженной шершавой ладонью.

— Нет, внучка. Ты не ослепнешь. Ты научишься жить с этим. Или найдешь того, кто станет твоим цветом. Тогда весь остальной мир перестанет иметь значение.

Лина не поняла тогда. Она была слишком мала. Но слова бабушки запали в сердце — как зерно, которое будет ждать своей земли.

***

Двенадцать лет спустя Лина сидела в маленькой съемной однушке на окраине города, смотрела на потолок, с которо-

го отслаивалась краска, и думала о том, что бабушка была права только наполовину. Она не ослепла. Она видела слишком хорошо. Каждое утро она просыпалась, и первое, что чувствовала, — не запах кофе или свет за окном, а цветной шум города. Соседка сверху, Ирина Петровна, была лимонно-желтой — тревожной, потому что сын не звонил вторую неделю. Парень из квартиры напротив, Денис, — мятно-зеленым, апатичным, почти разбавленным водой. А за окном, в мегаполисе, бурлил коктейль из страхов, радостей, гнева и тоски, который никогда не умолкал.

Лина знала их всех. Не по именам — по цветам. Она могла зайти в метро и через пять минут знать, у кого украли кошелек, кто боится увольнения, а кто только что влюбился. Это было как жить внутри радара, который сканирует все вокруг. И у этого радара не было кнопки «выключить».

Иногда она думала: «Что, если я просто шизофреничка? Что, если бабушка тоже была больна и все эти цвета — просто галлюцинации, которые передались по наследству?» Она искала ответы в интернете, но находила только сайты про ауру, эзотерику и «ясновидящих», которые брали деньги за сеансы. Лина не хотела быть ясновидящей. Она хотела быть нормальной. Работать, спать, любить — как все.

Но она не умела. Она боялась даже смотреть в глаза незнакомцам, потому что боялась увидеть то, что они скрывают. Она слушала музыку в наушниках, когда шла по улице, чтобы заглушить цветовой шум. Она выбирала самую скучную

работу — кассира в супермаркете — чтобы минимизировать общение. Здесь люди проходили потоком, не глядя друг на друга. Здесь она могла быть невидимкой.

Она работала в «Синем Маяке» уже три года. Сканер, касса, очередь. Тысячи лиц в день. Тысячи цветов. И ни одного человека, которому она могла бы рассказать правду. Кроме Маши. Но Маша была слишком простой и слишком веселой, чтобы понять. Кроме

бабушки, которая жила за двести километров. И кроме… никого.

Лина часто думала: «А что, если так будет всегда? Что, если я никогда не встречу человека, рядом с которым смогу выдохнуть?» И в тот самый момент, когда она почти смирилась с этим, на ее кассу упала пачка гречки. И человек, который принес ее, был абсолютно пустым. Никакого цвета. Никакого тумана. Просто — выключенный экран. И Лина поняла: этот день изменит ее жизнь. Она еще не знала, как именно. Она знала только одно: она должна узнать, кто он такой. Даже если это ее погубит.

***

В тот день она работала в утреннюю смену. Восемь тридцать утра. Золотое время, когда первые покупатели еще не успели накопить раздражение на работе, а пенсионеры еще не пришли за хлебом. Лина любила это время. Короткая передышка между волнами человеческого шума. Она стояла за

кассой, пробивала товары и чувствовала, как ее пальцы двигаются автоматически. Батон — пи-и-ип. Молоко — пи-и-ип. Йогурты — три, четыре, пять. Она

делала это так часто, что сканер стал продолжением ее руки.

— С вас двести десять рублей. Картой или наличными?

Покупательница — женщина лет сорока с красной, воспаленной аурой — бросила на ленту пачку печенья.

— Картой, — буркнула она.

Лина взяла карту, провела, вернула. Все автоматически. Она даже не смотрела на лицо — она смотрела на ауру. Красная. Раздраженная. Все, что нужно знать о человеке, она видела на его цветном фоне. Остальное было неважно.

— Хорошего дня, — сказала Лина, не поднимая глаз.

Женщина фыркнула и ушла.

Лина выдохнула и сделала глоток воды из стаканчика. Коллега Маша за соседней кассой напевала что-то попсовое и делала вид, что ее очередь не растет. Маша была воплощением оранжевого цвета — легкая, беззаботная, вечно занятая каким-то своим делом, которое она

называла «личная жизнь». Ее аура всегда была теплой, чуть пульсирующей, как свет свечи на ветру. Лина иногда завидовала Маше. Как можно быть такой простой? Как можно не видеть, что люди вокруг тебя тонут в своей боли?

— Лин, ты чего зависла? — услышала она голос Маши. — Там очередь уже до выхода.

Лина очнулась. И правда. Очередь выросла. Она быстро взяла следующего покупателя — пожилого мужчину с серо-синей аурой усталости — и начала пробивать.

Очередь текла. Люди шли один за другим. Женщина с фиолетовой аурой — она боялась, что у ребенка в школе проблемы. Мужчина с темно-зеленой — зависть к соседу, который купил

новую машину. Парень с лимонно-желтой — тревога из-за экзаменов. Лина видела их всех, как открытую книгу, и эта книга была написана цветами боли.

Она привыкла к головной боли. Она всегда приходила к обеду — когда цвета разгонялись до предела. В час пик они пульсировали так ярко, что казалось, стены магазина вот-вот лопнут. Голова гудела, в глазах рябило, но Лина продолжала улыбаться и пробивать товары. «Ты — кассир, — повторяла она про себя. — Ты не видишь цветов. Ты просто работаешь. Просто работаешь».

И в этот момент — в 8:47 утра, она запомнила это время навсегда, — на ее кассу упала пачка гречки. Зеленая пачка. Дешевая. Обычная. Рядом с ней — картонный пакет кефира.

Лина подняла глаза, чтобы поприветствовать покупателя, и застыла. Мужчина. Лет тридцати. Высокий, с прямой спиной. Аккуратная стрижка, волевой подбородок, ясные серые глаза. На нем было идеально выглаженное пальто пепельного цвета, дорогой портфель, и он смотрел на нее с той самой вежливой, чуть рассеянной

улыбкой, которую обычно носят люди, привыкшие быть на виду. Но Лина не смотрела на его лицо. Она смотрела на пространство над его головой. Там была пустота. Не серая, не белая, не черная. Просто вакуум. Как если бы вы выключили телевизор, и на экране не осталось даже мертвого света. Абсолютная, звенящая тишина.

Лина перестала дышать. Стаканчик в ее руке дрогнул, и вода пролилась на клавиатуру кассы.

— Здравствуйте, — сказал мужчина, и его голос прозвучал, как гудок в пустом коридоре. — Гречка и кефир. Только эти два товара.

Он стоял перед ней, живой, настоящий, а над ним не было ничего. Ни эмоций, ни чувств, ни ауры. Никакого следа человеческого присутствия.

Лина моргнула. Потом еще раз. Потом потерла веки рукой. Пустота никуда не исчезла. Она была там, как черная дыра, которая затягивает весь свет вокруг.

— Э-э-э... — выдавила она.

Мужчина слегка наклонил голову. Он смотрел на нее с легким, почти незаметным любопытством. Его губы дрогнули в той самой дежурной улыбке, которой он, наверное, улыбался всем подряд.

— Все в порядке? — спросил он. — Вы побледнели.

«Да что со мной? — подумала Лина. — Я же видела людей без цвета? Нет. Не видела. Только бабушка говорила про бесцветных. Но я думала, это сказки».

Она судорожно взяла сканер и приложила его к гречке. Пи-и-ип.

— С вас... двести сорок два рубля. — Голос прозвучал как чужой. Не ее голос. Чей-то чужой.

Мужчина протянул карту. Лина взяла ее, и их пальцы соприкоснулись. Холод. Не физический — эмоциональный. Как прикоснуться к мраморной статуе. Никакого тепла, никакой вибрации, никакого человеческого импульса. «Ты вообще живой?» — хотела она спросить. Но не спросила. Она провела карту по терминалу, вернула, выдала чек.

— Спасибо, — сказал он. — Хорошего дня.

Он взял пакет и ушел. Ровной, спокойной походкой. Никакой суеты. Никаких эмоций. Просто вышел из магазина, как робот, который выполнил свою программу.

Лина смотрела ему вслед, пока дверь не закрылась за ним. И в груди у нее колотилось сердце так сильно, что она слышала его в ушах.

— Ого, — раздалось над ухом.

Лина подпрыгнула. Маша стояла рядом, облокотившись на стойку, и смотрела на нее с хитрой улыбкой.

— Влюбилась, да? — спросила Маша. — Я его уже неделю замечаю. Он каждый день приходит в одно и то же время. Восемь тридцать. И часто покупает гречку и кефир. Как робот.

— Каждый день? — переспросила Лина.

— Ну да, — хмыкнула Маша. — Прямо как по расписа-

нию. Красивый, правда? Я бы тоже зависла, но у меня есть Дима. А у тебя, похоже, никого. Так что давай, подруга, действуй. Он же как доктор, говорят, он психолог. Он лечил одну мою знакомую соседку. Вроде зовут Волков. — Маша призадумалась: — Точно! Артем Волков! Может, он тебя от твоих «цветов» вылечит?

— Маш... — Лина облизала пересохшие губы. — У него не было цвета.

Маша перестала улыбаться.

— Опять? — спросила она. — Ты опять видишь эти свои цвета?

— Я ничего не видела, — прошептала Лина. — Совсем. Он был пустым. Как будто его не существует.

Маша фыркнула и закатила глаза.

— Ну так он мужик, — сказала она. — Они все деревянные. Ладно, иди в подсобку, отдышись. Ты как привидение. Я тебя прикрою.

Лина кивнула и почти бегом побежала в подсобку. Она села на пластиковый стул, обхватила голову руками и попыталась дышать ровно. В груди билась истерика, которую она сдерживала последние двадцать лет.

«Бабушка говорила про бесцветных, — стучало в голове. — Она говорила, что это те, кто запер себя. Но я думала, это просто бабушкины сказки. А он... он правда бесцветный. Как живой мертвец. Как человек, который выключил душу».

Она сидела так несколько минут, пока дыхание не восста-

новилось. Потом встала, плеснула в лицо холодной водой, вытерлась бумажным полотенцем и вернулась к кассе.

Очередь уже выросла. Цвета снова пульсировали, давили на виски, просачивались в сознание. Все было как обычно. Кроме одного: где-то глубоко внутри, под слоями привычного шума, затаилась мысль. «Кто ты? — спрашивала она пустоту, оставленную им. — Почему я тебя не вижу?» И эта мысль не давала ей покоя до самого вечера.

Домой она добралась в состоянии, близком к аффекту. Она сняла куртку, бросила сумку на пол, прошла на кухню и налила себе стакан воды. Руки дрожали. Она пила мелкими глотками, чувствуя, как прохладная жидкость стекает по горлу, но не приносит облегчения.

Она не могла выбросить из головы образ пустоты. Ту абсолютную, звенящую тишину, где должен был быть человек. Ей казалось, что она видела призрака.

«Это невозможно, — твердила она себе. — Даже у мертвых есть цвет. Я видела труп один раз, когда сосед умер от инфаркта. Над ним был серый туман. Тусклый, но был. А у него — ничего. Никакого цвета. Никакого следа эмоций. Как будто его просто не было».

Она села на кровать, включила ноутбук и принялась искать информацию. «Психолог Артем Волков», ENTER — поисковик выдал его страницу на сайте клиники. Она открыла профиль и вгляделась в фотографию. Тот же мужчина. Улыбается на камеру — но не в объектив, а как-то сквозь

него. Дежурно. Правильно. Как в учебнике «Как произвести впечатление на пациента».

Лина смотрела на фотографию и пыталась представить его цвет. Ничего. Даже на фото он казался пустым.

«Волков Артем Леонидович. 29 лет. Психотерапевт. Когнитивно-поведенческая терапия. Окончил Первый медицинский университет. Специализация: тревожные расстройства, депрессия. Стаж — 6

лет».

Она пролистала его посты. Все — сухие, профессиональные. «Как справиться с панической атакой». «Когнитивные искажения». «Почему мы не можем принять себя». Ни одной личной фотографии. Ни одного эмоционального поста. Только аналитика, только факты.

«Ты — как я, — поняла она. — Ты прячешься за профессией. Ты используешь ее, как стену. Я прячусь за кассой. А ты — за чужими проблемами. Мы оба — беглецы». Она закрыла ноутбук и легла.

Сон не шел.

Она ворочалась до двух часов ночи, а когда уснула, ей приснился странный сон. Она стояла в белой комнате без окон, а перед ней стоял он — тот же мужчина, но теперь он не был пустым. Над ним был свет. Яркий, ослепительно-золотой свет.

— Ты видишь меня? — спросил он.

— Я вижу тебя, — ответила она.

И проснулась.

На следующий день она пришла на работу с синяками под глазами. Маша сразу заметила.

— Ты как зомби, — сказала она. — Совсем не спала?

— Почти, — буркнула Лина, надевая форменную футболку.

— Из-за того красавчика?

— Маш, отстань, — устало сказала Лина. — У меня голова болит.

Она вышла на смену и встала за кассу. Ритм работы успокаивал. Пи-и-ип. Пи-и-ип.

Монотонный звук сканера действовал, как колыбельная. Она почти успокоилась, когда в 8:30 он снова появился в дверях.

Та же гречка и кефир.

Та же пустота над головой.

Он подошел к ее кассе, поставил продукты на ленту и поднял на нее глаза.

— Здравствуйте, — сказал он.

Лина замерла.

— Здравствуйте, — выдохнула она.

Он смотрел на нее с тем же вежливым вниманием, что и вчера. Но теперь она заметила кое-что еще: он слегка нахмурился, когда увидел ее лицо. Врач привык замечать симптомы. Он видел, что она не спала, что она на грани.

— Все в порядке? — спросил он. — Вы выглядите очень

уставшей.

«Да что ты привязался ко мне? — хотела крикнуть она. — Почему ты не можешь быть просто роботом, как вчера? Почему я должна отвечать?»

Но вместо этого она выдавила:

— Я в порядке.

Он не поверил. Это было написано на его лице. Но он промолчал.

Она пробила товары.

— Двести сорок два рубля, — сказала она.

Он протянул карту. Когда их пальцы снова соприкоснулись, она почувствовала тот же холод. Но теперь она заметила еще одну деталь: его пальцы дрожали. Очень слабо. Почти незаметно.

«Ты тоже что-то чувствуешь, — поняла она. — Ты просто не позволяешь себе это показывать».

— Я заметил, — сказал он неожиданно, забирая карту, — что вчера вы были сильно взволнованы. И сегодня тоже. Это не мое дело, но... если вам нужна помощь, я психотерапевт. Я принимаю в клинике «Новая жизнь». Вот моя визитка.

Он протянул ей белую карточку с черными буквами.

Лина взяла ее. Пальцы дрожали.

— Зачем вы это делаете? — спросила она. — Вы так всем кассиршам предлагаете?

Он улыбнулся. И в этой улыбке впервые было что-то живое.

— Только тем, кто смотрит на меня как на привидение.

Она застыла.

«Он заметил, — подумала она. — Он заметил, что я на него по-особенному смотрю. Черт. Он врач. Он привык читать людей».

Он развернулся и ушел, оставив ее стоять с визиткой в руке.

Маша подошла через минуту и прошептала:

— Ну что? Опять цветов не было?

Лина не ответила.

Она смотрела на визитку, чувствуя, как от нее исходит странное тепло. Как будто он оставил частичку себя в этом куске картона.

Три дня она ходила с визиткой в кармане. Три дня она смотрела на нее, вертела в руках, читала надпись: «Волков Артем Леонидович, психотерапевт». Прием по предварительной записи».

И три дня она боялась позвонить. «Что я ему скажу? — думала она. — Здравствуйте, я — кассирша, которая видит цвета. А вы — пустой. Давайте дружить? Он подумает, что я сумасшедшая. Он поставит мне диагноз и закроет в психушке».

Но в глубине души она знала: он не такой. Он не будет ставить диагноз. Он захочет понять. И в конце концов она позвонила.

— Клиника «Новая жизнь», — ответил женский голос.

— Здравствуйте, — сказала Лина. — Я хочу записаться на прием к Артему Леонидовичу Волкову.

— Ваше имя?

— Лина, Лина Кравцова.

— Когда вам удобно?

— Завтра в шесть вечера.

— Хорошо. Записали. Мы вас ждем.

Она положила трубку и почувствовала, как сердце колотится в груди. «Что я делаю? — подумала она. — Я иду к психотерапевту, потому что он пустой? Это же бред».

Но она уже приняла решение.

Клиника «Новая жизнь» находилась в старом здании с высокими потолками и лепниной на стенах. Внутри пахло кофе и антисептиком. Лина села в приемной на жесткий стул и сжала в руках сумку. Она смотрела на других пациентов: молодая девушка с желтой аурой тревоги, пожилой мужчина с густым синим туманом грусти, женщина с ребенком — оранжевая с черными вкраплениями гнева. «Я — как они, — поняла Лина. — Я пришла сюда, чтобы вылечиться. Но я не хочу лечиться. Я хочу понять».

— На 18:00 Лина Кравцова? — раздался голос.

Она подняла голову. Артем стоял в дверях кабинета. В белом хлопковом костюме, без пальто он выглядел более человечным, чем в супермаркете. Но пустота над ним все так же сияла черной дырой.

— Проходите, — сказал он, отступая в сторону, чтобы

пропустить ее.

Кабинет был просторным. Белые стены, белая мебель, стеллаж с книгами. Никаких личных вещей. Никаких фотографий. Только чистота и порядок.

— Садитесь, — указал он на кресло.

Лина села. Кресло было мягким, почти уютным, но она чувствовала себя неуютно. Слишком официально. Слишком правильно.

— Спасибо, что пришли, — начал он, садясь напротив. — Я, если честно, не думал, что вы согласитесь. Вы тогда в магазине выглядели... испуганной.

— Я и сейчас испуганная, — призналась Лина.

Он улыбнулся. Та же теплая улыбка, что и в прошлый раз. Единственное, что выдавало в нем живого человека.

— В чем дело? — спросил он. — Что вас беспокоит?

Лина молчала. Она смотрела на него, на эту пустоту над его головой, и чувствовала, как слова застревают в горле.

«Скажи ему правду, — шептал внутренний голос. — Скажи, что ты видишь цвета. Скажи, что он пустой. Скажи, что он — твой самый большой страх и самое большое желание. Скажи, и он либо спасет тебя, либо уничтожит».

— Я вижу цвета, — сказала она.

Артем нахмурился.

— Цвета?

— Эмоции людей. Как туман. Как аура. Я вижу их всегда. С рождения. Зеленый — зависть. Красный — гнев. Синий —

грусть. Желтый — тревога. Фиолетовый — страх. Я вижу их у всех. — Она остановилась, переводя дыхание. — У всех, кроме вас.

Артем молчал. Он смотрел на нее внимательно, и его лицо оставалось непроницаемым.

— Вы — пустой, — продолжила Лина. — Над вами нет ни одного цвета. Вообще никакого. Как будто вы выключили себя. Как будто вы не человек.

Она замолчала. Сердце колотилось так, что казалось, его слышно в тишине. Артем медленно выдохнул. Потом откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы в замок.

— Знаете, — сказал он тихо, — я не могу объяснить это с научной точки зрения. Но я верю, что люди способны на невероятные вещи. Я встречал пациентов, которые чувствовали смерть за несколько дней. Женщин, которые знали об измене мужей, даже без доказательств. Это не мистика, Лина. Это просто сверхчувствительность.

Он помолчал.

— Я не поставлю вам диагноз «галлюцинации». Я не скажу, что вы больны. Я скажу — вы уникальны.

— Уникальны, — повторила она горько. — Это как проклятие. Я не хочу быть уникальной. Я хочу быть нормальной.

— А вы не будете нормальной, — сказал он. — Вы будете собой. И это единственное, что имеет значение.

Лина смотрела на него, и впервые за долгое время она почувствовала, что ее услышали. По-настоящему. Без осужде-

ния. Без страха.

— Как вы это делаете? — спросила она. — Как вы живете без цвета?

Артем долго молчал.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я думал, что так легче. Ничего не чувствовать. Просто анализировать. Но когда вы сказали, что я пустой... я впервые подумал, что, может быть, я ошибался.

Она смотрела на него, и в его пустоте вдруг мелькнула трещина. Едва заметная, как паутинка на стекле.

«Ты не пустой, — поняла она. — Ты просто закрытый. Как шкатулка. И внутри тебя — свет».

***

Они встречались каждую неделю. Сеансы длились по часу. Сначала Лина сидела скованно, боялась говорить, боялась смотреть в его глаза. Но постепенно она научилась доверять ему. Рассказывать о своих видениях, о том, как ей трудно в толпе, о том, что цвета давили на нет с детства.

— Почему вы работаете кассиром? — спросил он однажды.

— Потому что там можно быть невидимкой, — честно ответила она. — Люди не смотрят на кассира. Они смотрят на товары и на свои телефоны. Я могу быть никем.

— А вы хотите быть никем?

— Хочу. Так легче.

Он покачал головой.

— Вы не никто, Лина. Вы человек, который видит то, чего не видят другие. И вы заслуживаете того, чтобы использовать это. Не для выживания, а для жизни.

— Как? — спросила она. — Что я могу сделать с этим даром?

— Вы можете помогать людям, — сказал он. — Вы можете видеть то, что скрыто. И говорить им правду. Даже если она горькая.

Она задумалась.

— Вы думаете, я могу стать психологом?

— Я думаю, вы можете стать кем угодно, — сказал он. — У вас есть дар, которому нельзя научиться. Все остальное — дело времени.

Она смотрела на него, и в его глазах отражался свет лампы. На секунду ей показалось, что его пустота дрогнула. Что сквозь нее пробился слабый, почти незаметный свет.

«Ты тоже хочешь чувствовать, — поняла она. — Ты просто боишься».

Однажды, когда сеанс закончился, она встала и вдруг спросила:

— Артем, можно я задам вам личный вопрос?

— Конечно.

— Почему вы стали пустым?

Он замолчал. Потом медленно снял очки и протер линзы.

— Я вам расскажу, — сказал он. — Но это долгая история.

— У меня есть время.

Он кивнул и начал рассказывать.

— Моя мама умерла когда я был в юном возрасте, у нее обнаружили онкологического заболевание. Я видел, как она угасает. Каждый день. И я чувствовал это так сильно, что мне казалось, я умираю вместе с ней.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

— Когда она ушла, я пообещал себе, что больше никогда не буду так чувствовать. Что я выключу это. Просто выключу, как свет. И я выключил. Я перестал чувствовать. Сначала только боль. А потом и все остальное.

— Но вы же врач, вы психотерапевт, — сказала Лина. — Вы помогаете людям. Это требует чувств.

— Я анализирую их, — ответил он. — Я не чувствую. Я понимаю. Как по инструкции. И я думал, что это правильно. Но сейчас...

Он посмотрел на нее. И в его взгляде было что-то, чего она раньше не видела.

— Сейчас я начинаю сомневаться, — сказал он. — Потому что когда я рядом с вами... я чувствую, как что-то внутри просыпается.

Лина почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— И что вы чувствуете?

— Я не знаю, — сказал он. — Но я хочу это выяснить.

Она протянула ему руку. Он взял ее. Его пальцы были теплыми — впервые она чувствовала от него не холод.

«Ты возвращаешься, — подумала она. — Ты потихоньку возвращаешься из пустоты. И я помогу тебе».

***

Прошло еще три недели их встреч.

Лина заметила, что ждет каждый сеанс с нетерпением. Ей нравилось говорить с ним, нравилось смотреть на его лицо, нравилось чувствовать, как его пустота потихоньку начинает наполняться чем-то новым. Она научилась замечать микроскопические изменения: чуть более теплую улыбку, чуть более живой взгляд, чуть более дрожащие пальцы.

— Ты выглядишь по-другому, — сказала ей Маша однажды на работе. — Ты светишься.

— Да? — улыбнулась Лина.

— Да. Как будто влюбилась.

Лина ничего не ответила. Но она знала: Маша права. Она влюбилась. В пустоту, которая начала наполняться светом.

Однажды, после сеанса, Артем попросил ее задержаться.

— Лина, — сказал он. — Я хочу тебя кое о чем спросить.

— О чем?

— Ты видишь свой собственный цвет?

Она удивилась.

— Что?

— Твой цвет, — повторил он. — Ты видишь его, когда смотришь в зеркало? Или только у других?

Она покачала головой.

— Я не вижу себя. Никогда. Бабушка говорила, это нормально — дар не распространяется на самого носителя.

— А знаешь, — сказал он. — Я бы хотел увидеть твой цвет.

Лина улыбнулась.

— Ты же не видишь цвета.

— Нет, — согласился он. — Но иногда... когда ты рядом, я чувствую тепло. Не физическое. Какое-то другое. Как будто ты — свет в темноте. И я хочу знать, какого цвета этот свет.

Она не ответила. Она встала, подошла к нему и села рядом на диван. Они сидели так близко, что она чувствовала его дыхание.

— Артем, — сказала она тихо. — Я не знаю, какого цвета я сама. Но я знаю, какого цвета ты.

— Какого?

— Ты — цвет заката, — сказала она. — Когда солнце уже село, но на небе еще остается свет. Теплый. Спокойный. Такой, каким хочется быть.

Он посмотрел на нее. Его глаза блестели.

— Лина, — сказал он. — Я не знаю, что со мной происходит. Я много лет не чувствовал ничего. А теперь... когда ты рядом, я чувствую. И это меня пугает.

— Не бойся, — прошептала она. — Я рядом.

Она взяла его лицо в свои ладони. Его кожа была теплой. Впервые она чувствовала, что он жив. Что он дышит. Что он настоящий. Она поцеловала его.

И в этот момент его пустота раскололась. Как стекло, в которое бросили камень. Через трещины хлынул свет. Яркий, золотой, ослепительный.

«Ты вернулся, — подумала она. — Ты вернулся из своей пустоты. И теперь ты — мой. Навсегда».

После того поцелуя они не могли смотреть друг на друга без дрожи.

Лина возвращалась домой на автобусе, и все внутри нее гудело. Она касалась пальцами собственных губ и чувствовала его вкус — горьковатый, как кофе, и сладкий, как надежда.

Она не видела его цвета — он все еще был золотой дымкой, — но теперь она знала: он жив. Он вернулся. И она хотела его всего.

Не только как доктора. Не только как загадку. Как мужчину.

На следующей неделе Артем позвонил ей сам. Не через секретаря, не через сообщение. Позвонил лично. Когда она услышала его голос, у нее перехватило дыхание.

— Лина, — сказал он. — Ты хочешь увидеть, где я живу?

Она молчала целую минуту.

— Зачем? — спросила она, хотя знала ответ.

— Потому что я хочу, чтобы ты была не только в моем кабинете. Я хочу, чтобы ты была в моей жизни. Всей. Каждой ее частью.

Она согласилась. И в тот вечер, в субботу, когда над горо-

дом опустился теплый осенний закат, она стояла перед дверью его квартиры на десятом этаже.

Он открыл дверь. Встретил в серой мягкой футболке и темных джинсах, простой, почти домашний. Его волосы были чуть влажными — он только что принял душ. От него пахло мятным мылом и чем-то теплым, мужским. Она почувствовала это сразу, как только он обнял ее на пороге.

— Ты пришла, — сказал он тихо, прижимая ее к себе.

— Я пришла, — прошептала она, пряча лицо в его плече.

Его квартира оказалась совсем не стерильной. Да, белые стены и минимум вещей, но в воздухе витал запах книг, старого дерева и его присутствия. На подоконнике стоял фикус — живой, зеленый, с толстыми мясистыми листьями. Она улыбнулась.

— Ты держишь цветок?

— Он меня не судит, — усмехнулся Артем. — Он просто растет. Я учусь у него.

Она рассмеялась. Легко, свободно, впервые за долгое время. И в этот момент он взял ее за руку и повел в комнату.

— Садись, — сказал он, указывая на диван. — Я хочу тебе кое-что показать.

Она села, и он сел рядом — слишком близко, чтобы быть просто знакомым. Их колени соприкасались. Через джинсы она чувствовала тепло его ног. Он протянул ей старую фотографию в рамке. Мальчик лет десяти, с огромными глазами и копной волос, обнимает улыбающуюся женщину.

— Это я и мама, — сказал он. — Она всегда говорила мне: «Ты слишком много чувствуешь, сынок. Научись дышать». Я не научился. А потом она ушла, и я решил, что чувствовать — это опасно.

Лина взяла фотографию, провела пальцем по стеклу. Женщина на снимке была красивой — с теплыми яркими глазами, в которых светился огонек, который Лина видела у Артема.

— Твоя мама была золотой, — сказала она. — Как ты теперь.

Он посмотрел на нее.

— Как я теперь?

— Да. Ты вернулся, Артем. Ты больше не пустой. Ты золотой.

Он не сказал ни слова. Он просто взял ее лицо в свои ладони — медленно, осторожно, будто она была хрупкой, — и поцеловал.

Этот поцелуй был другим. Более долгим. Более глубоким. Не как в клинике — пробный, робкий. Этот был настоящим, взрослым, от которого у нее закружилась голова. Она закрыла глаза и почувствовала, как его язык касается ее губ. Сначала робко, потом

настойчивее, будто он искал что-то, чего не находил. Она ответила, приоткрыв рот, и почувствовала, как его рука скользнула по ее спине, притягивая ближе.

«Боже, — подумала она. — Я никогда не чувствовала ни-

чего подобного. Я даже не знала, что так бывает». Она ощущала его дыхание на своей коже, его пальцы, которые пробегали по ее позвоночнику, оставляя за собой дорожку мурашек. Он был теплым — настоящим. Его пустота исчезла окончательно. Теперь он был весь — здесь, рядом.

Он прервал поцелуй и посмотрел ей в глаза.

— Я боюсь, — сказал он. — Я забыл, как это. Как дышать. Как касаться. Я боюсь сделать тебе больно.

— Ты не сделаешь, — прошептала она. — Я верю тебе.

Он снова поцеловал ее — более страстно.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Это ты, — ответила она. — Это ты делаешь меня живой.

— Я хочу запомнить каждую секунду. Хочу знать, что ты будешь здесь. Что ты не исчезнешь.

Она кивнула, чувствуя, как слезы подступают к глазам. Это были слезы облегчения. Он обнял ее и прижал к себе — так крепко, что она слышала биение его сердца — ровное, спокойное, живое. Они сидели так до полуночи, не говоря ни слова. И это молчание было красноречивее любых разговоров.

***

Через три дня они встретились снова. Уже не в клинике, не в его квартире. Он пригласил ее на прогулку к реке, в старый парк, где

почти не было людей. Осень уже вступила в свои права: листья шуршали под ногами, воздух был прохладным, но не холодным. Он держал ее за руку, и она чувствовала его пальцы, переплетенные с ее пальцами.

— Расскажи мне еще о своих цветах, — попросил он.

— Хочешь знать все?

— Все.

Она улыбнулась и заговорила. О том, как в детстве она видела над учителями черные туманы боли. О том, как боялась смотреть на людей в метро, потому что цвета давили на нее. О том, как иногда она завидовала Маше, у которой все было просто.

— А я завидовал тебе, — сказал он.

— Мне? Зачем?

— Ты чувствуешь, Лина. По-настоящему. Ты не боишься боли. Ты не боишься видеть мир таким, какой он есть. А я боялся. Всю жизнь.

Она остановилась и посмотрела на него. В вечернем свете его глаза казались почти прозрачными.

— Ты больше не боишься? — спросила она.

— С тобой — нет.

Он наклонился и поцеловал ее. Нежно, медленно, как будто время остановилось. Они пошли дальше, к скамейке у самой воды. Сели, и он обнял ее за плечи. Она прижалась к нему, чувствуя, как его дыхание согревает ее шею.

— Я никогда не думал, что смогу снова так дышать, —

сказал он. — Каждое утро я просыпался и не чувствовал ничего. А теперь... теперь я просыпаюсь и думаю о тебе.

— И что ты чувствуешь, когда думаешь обо мне?

Он повернул ее лицо к себе, заглянул в глаза.

— Я чувствую, — сказал он, — все. Жар. Трепет. Желание. И это самое прекрасное и самое страшное, что случалось со мной.

Она прикусила губу, чувствуя, как внутри разгорается пламя. Она не знала, что слова могут так действовать на тело. Она хотела его. Не только душой — всем разумом.

Он оглянулся — вокруг никого, только шум реки и редкие фонари. Потом он взял ее за руку и повел к маленькому деревянному пирсу, который уходил в воду. Здесь было совсем темно, только свет далекого города отражался в воде. Они стояли так несколько минут, не двигаясь, обнявшись.

— Я не знал, что так бывает, — сказал он.

— Я тоже, — ответила она.

Она погладила его по голове, и он посмотрел в ее глаза. В них блестели слезы.

— Спасибо, — сказал он. — Что вернула меня.

— Спасибо, — ответила она. — Что позволил себя найти.

Они молча обнялись и пошли к выходу из парка. Рука в руке. Сердце в сердце.

***

На следующее утро она проснулась в его постели. Она не

помнила, как они добрались до его квартиры. Помнила только его руки, его губы, его шепот. И теперь она лежала на его плече, смотрела, как солнечный свет пробивается сквозь шторы, и чувствовала, как его пальцы перебирают ее волосы.

— Ты проснулась, — сказал он.

— Не хотела, — прошептала она. — Я хотела спать вечно, чтобы не отпускать это утро.

— Я тоже.

Он повернулся к ней и поцеловал ее в лоб. Она чувствовала его дыхание, его близость, его тепло.

— Ты не представляешь, что ты для меня сделала, — сказал он.

— Сделала?

— Ты вернула мне возможность чувствовать. Я много лет жил, как робот. А сейчас я просыпаюсь и знаю, что я живой. Что я могу любить.

Она погладила его по щеке. Он был небритым, с легкой щетиной, которая колола пальцы. Но это было прекрасно. Реально. Настоящее.

— Я тоже могу любить, — сказала она. — Я никогда не думала, что смогу. Я так боялась боли. Боялась, что если я полюблю, то потеряю себя. Но с тобой я не теряю себя. Я нахожу.

Он притянул ее к себе и крепко обнял.

— Оставайся сегодня, — сказал он. — Не уходи на работу.

— Я должна.

— Нет, не должна. Ты можешь остаться. Со мной.

Она посмотрела на него, и в его глазах она увидела то, что искала всю жизнь — не цвет, не ауру, а просто любовь. Открытую, чистую, настоящую.

— Я останусь, — сказала она.

Они лежали в постели до обеда. Разговаривали, смеялись, смотрели друг на друга. Она рассказывала ему о бабушке, о деревне, о том, как научилась делать варенье из облепихи. Он рассказывал ей о своем отце, который умер, когда он был маленьким, и о маме, которая

растила его одна.

— Она боялась, что я стану слишком чувствительным, — сказал он. — Она говорила: «Сынок, мир жесткий. Если ты будешь слишком мягким, он тебя раздавит». Я понял ее слова слишком буквально. Я стал жестким. Но я ошибся.

— В чем?

— Мир не раздавил меня, когда я был мягким. Я раздавил себя сам. А ты помогла мне освободиться.

Она взяла его руку и положила себе на грудь, туда, где билось сердце.

— Чувствуешь? — спросила она.

— Да.

— Это мое сердце. Оно бьется для тебя.

— Артем, — сказала она.

— Мм?

— У меня никогда не было такого. Чтобы я чувствовала

себя... в безопасности.

— И у меня, — сказал он. — Никогда.

Она закрыла глаза и позволила себе утонуть в этом моменте.

Всю следующую неделю они не виделись. У него были сложные пациенты, у нее — ночные смены в супермаркете. Они писали друг другу сообщения, но этого было мало. Так мало, что она чувствовала физическую боль от отсутствия его рук, его дыхания, его тепла.

Однажды ночью, когда она лежала одна в своей постели, она не выдержала и написала ему: «Я скучаю по тебе. Мне нужно тебя чувствовать».

Ответ пришел через минуту: «Я тоже. Я не могу заснуть. В моей постели нет твоего запаха».

«Приезжай ко мне. Я хочу, чтобы ты был рядом».

«Я не могу. Завтра ранний прием. Но я хочу тебя слышать. Можно я позвоню?»

«Да».

Через секунду зазвонил телефон. Она взяла трубку, и его голос прозвучал в ночи — хриплый, теплый, родной.

— Я знаю, что это глупо, — сказал он. — Но мне нужно слышать твой голос. Чтобы заснуть.

— Мне тоже, — ответила она. — Я так хочу, чтобы ты был здесь. Чтобы я могла прикоснуться к тебе.

— Закрой глаза, — сказал он. — Представь, что я рядом.

Она послушалась.

— Я лежу на спине, — продолжил он. — Ты лежишь на моей груди. Я глажу твои волосы. Чувствуешь?

— Да, — прошептала она, и по щеке потекла слеза.

— Я целую тебя в лоб. Потом в щеку. Потом в губы. Ты отвечаешь мне.

Она зажмурилась, и ей показалось, что она действительно чувствует его прикосновения.

— Артем, — сказала она. — Я люблю тебя.

На той стороне повисла тишина.

— Ты слышал меня? — спросила она.

— Да, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я тоже люблю тебя. Я просто боялся сказать. Я думал, что не имею права.

— Имеешь. Ты имеешь право на все.

Она услышала, как он выдохнул, будто сбрасывая груз.

— Завтра вечером я приеду к тебе, — сказал он. — И мы будем вместе. Всю ночь.

— Я буду ждать.

Они еще долго говорили, но уже без слов. Просто дышали в трубку, слушая друг друга. И этого было достаточно.

***

Он приехал к ней на следующий день, когда солнце уже село.

Она открыла дверь в своей старой футболке и растерянном виде, и он сразу же притянул ее к себе, не давая сказать ни слова. Он пах дождем и дорогой — он ехал к ней через

весь город в пробках, но не жаловался.

— Я так соскучился, — прошептал он, целуя ее в шею, в ключицу, в плечо, во все, до чего мог дотянуться губами.

— Я тоже, — выдохнула она, и ее ноги подкосились.

Он подхватил ее на руки, как пушинку, и понес в комнату. Они лежали, переплетенные, в тишине, которую нарушало только их дыхание. И Лина поняла: она наконец-то нашла свой цвет. Не в аурах, не в туманах, а в руках этого человека.

— Ты — мой, — прошептала она ему на ухо.

Он улыбнулся и прижал ее к себе.

— И ты — моя.

***

Это случилось через две недели после их первой ночи. Они уже не могли жить друг без друга. Лина переехала к Артему —неофициально, просто оставив у него свои вещи и почти не возвращаясь в свою пустую однушку. Каждое утро она

просыпалась рядом с ним, чувствовала его тепло, его дыхание, и знала — это ее дом.

Но в ту ночь что-то изменилось. Она лежала на его груди, слушала, как бьется его сердце, и чувствовала, как ее собственное тело расслабляется, погружаясь в сон. Но вместо того, чтобы провалиться в привычную темноту, она вдруг почувствовала, что падает. Не вниз — внутрь. Как будто она проваливалась сквозь него, сквозь его кожу, сквозь его реб-

ра, в самую глубину его существа. Ей стало страшно на секунду, но потом она поняла: ее дар снова включился, но теперь по-другому. Он не показывал ей цвет. Он показывал ей память. Она открыла глаза и поняла, что она не в спальне. Она стояла в маленькой комнате, с обоями в цветочек, с деревянными игрушками на полу, с запахом пирогов и старого дерева. Рядом сидела женщина — красивая, с мягкими каштановыми волосами и теплыми карими глазами. Она гладила по голове мальчика лет десяти.

— Мама, — сказал мальчик. — У тебя опять болит голова?

Женщина улыбнулась, но в ее глазах была боль. Лина увидела это — даже во сне, даже через память. Она видела, как таяла золотая аура женщины, как на ее месте появлялся серый, почти черный туман. Болезнь.

— Нет, сынок, — сказала женщина. — Все хорошо. Не волнуйся.

— Ты врешь, — сказал мальчик. — Я вижу. Ты — серая. Ты уходишь.

Лина замерла. Это был маленький Артем. Тот же пронзительный взгляд, та же привычка смотреть в самую суть. Он тоже что-то видел. Он тоже чувствовал.

Женщина вздохнула.

— Ты прав, сынок. Я ухожу. Но ты должен быть сильным. Ты должен обещать мне, что будешь жить. Что будешь любить. Что будешь чувствовать. Даже когда больно.

— Я не хочу, — сказал мальчик. — Если тебя не будет, я не хочу чувствовать. Я выключу это.

— Не надо, — прошептала женщина. — Не выключай себя, Артем. Обещай мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.